

УДК: 821.112.2

М. С. Потёмина

**«ИДЕОЛОГИЯ ЛЮБВИ» В РОМАНЕ ЮРЕКА БЕККЕРА
«БЕССЕРДЕЧНАЯ АМАНДА»**

Роман Ю. Беккера характеризуется как отображение социально-политической ситуации в ГДР незадолго до объединения, аллегорически представленное в отношениях главной героини и ее трех мужчин.

This article deals with the allegorical representation of the socio-political situation in the GDR shortly before the reunification of Germany as depicted in Jurek Becker's novel Heartless Amanda through the relationship of the central female character with three men.

167

Ключевые слова: Ю. Беккер, роман, объединение Германии, современная немецкая литература.

Key words: Jurek Becker, novel, reunification of Germany, contemporary German literature.

В романе Юрека Беккера три мужчины рассказывают о своих отношениях с «бессердечной» Амандой. На первый взгляд их истории достаточно банальны. Первый муж героини, Людвиг Венигер, рассказывает о своей жизни с Амандой адвокату, ведущему бракоразводный процесс. Задача юриста — сделать так, чтобы Людвиг получил все движимое и недвижимое имущество, но при этом сын Себастиан остался с женой. Второй спутник жизни Аманды, писатель Фриц, описывает свой роман с героиней в новелле, которая, правда, потом оказывается стертой с компьютерной дискеты. Фриц считает, что это сделал сын Аманды по ее наущению, и пытается восстановить утраченный текст. Последним рассказчиком выступает третий муж Аманды — западный журналист Станислаус. Историю отношений с Амандой он описывает на страницах своего дневника. Последняя запись посвящена дню накануне отъезда Аманды и ее сына в Западную Германию.

Но если приглядеться внимательнее, можно заметить, что отношения Аманды и ее первых двух спутников жизни отражают взаимоотношения ГДР и ее жителей.

Людвигу и Фрицу — гражданам Восточной Германии — жизнь с Амандой кажется невыносимой из-за ее «политического инакомыслия», высокомерия, «отсутствия чувства солидарности». Она открыто критикует режим, игнорируя чувство самосохранения, и своих мужей, невзирая на нормы приличия. Людвиг она характеризует как «трусливого приспособленца, лишённого чувства собственного достоинства», в то время как сам он совершенно не понимает, «против чего он должен был бы бунтовать» [1, с. 26]. Участие второго мужа в светских мероприятиях Аманда называет не иначе как «геройством на словах» и «диссидентским шушуканьем» [1, с. 173].

Аманда «необыкновенно умна» [1, с. 19], но ум ее — «что-то вроде злой собаки, с которой вас заперли в одной комнате... она немедленно отрезала пути к отступлению» [1, с. 20], отчего мужьям приходилось безоговорочно капитулировать перед Амандой. Жизнь с ней кажется рассказчикам подобной войне: «Разве можно чувствовать себя комфортно в браке, если в общении с женой нужно взвешивать на золотых весах каждое свое слово, если двигаться можно только ползком или короткими перебежками, как в тылу врага?» [1, с. 42], — восклицает Людвиг. Нечто подобное говорит и Фриц, Аманда некоторыми чертами характера напоминает ему «армию, которая после заключения мира никак не привыкнет к тому, что война уже кончилась, и по-прежнему рвется в бой» [1, с. 174]. Мало того, Людвиг чувствует себя дома как в тюрьме. Здесь его окружает тюремная обстановка, особенно ему мучит дешевая, скудная и невкусная еда. Людвиг привыкает тайком на стороне «удовлетворять свою потребность во вкусной и здоровой пище» [1, с. 11]. Очевидно, что оба мужа некомфортно чувствуют себя в семейной жизни с Амандой, однако они не предпринимают ни единой попытки исправить положение, вступить в диалог, попытаться занять активную позицию и переломить ситуацию.

Уже здесь можно заметить определенную аллегорическую тенденцию и предположить, что за маской Аманды скрывается персонифицированная ГДР. Но в таком случае странно, что даже приспособленец Людвиг не чувствует себя комфортно в браке с Амандой. И отчего Аманда так критически смотрит на государственный строй? Отчего она публично бичует мужа за его «оппортунизм» [1, с. 22], словно желая подчеркнуть, что это грех подлежит суду общественности?

Дело в том, что за амбивалентным образом Аманды скрывается не реальная ГДР, а скорее ее идеальная модель, утопия, к которой стремится ее персонифицированное «я». Этим может объясняться и агрессивность Аманды в отношении собственной матери — кадрового работника партии, и трепетное отношение к ребенку. Сын Аманды Себастиан в системе романа символизирует идеологию ГДР. Первый муж «не умел с ним обращаться, не знал, что с ним делать» [1, с. 37]. Второй, писатель Фриц, находит с ребенком общий язык, но, в сущности, тоже не до конца понимает и принимает его и, возможно, по этой причине в своей новелле «Феминист» превращает мальчика в девочку, тем самым полностью трансформируя историю, подтягивая ее под свои представления. Жизнь с Амандой-ГДР, таким образом, представлена им в намеренно искаженном свете с целью извлечения материальных дивидендов из публикации новеллы на Западе.

Такие отношения приводят к разочарованию героини в тех, на кого она так надеялась. Людвиг вспоминает, что, отвечая на вопрос, зачем же она вышла за него замуж, Аманда сказала, что «уже не помнит. Вероятно, потому, что ожидала чего-то, чего так и не дождалась... ведь на тернистом пути превращения в сказочного принца я застрял в самом начале, не сделав и двух-трех шагов» [1, с. 9]. Аманда не раз упрекает первого мужа в холодности, неискренности, неверности и неумении ценить то, что дает ему семья.

Людвиг и в самом деле пытается совершать марш-броски на сторону. Его периодические походы «налево» и тайная ресторанная «измена» принципам домашней пищи — все это, в иносказательно плане романа, суть робкие попытки жителя Восточной Германии найти «утешение» на Западе и высказать свое неудовлетворение существующим положением вещей. Однажды Людвиг даже прокричал вслед Аманде свои требования — те немногие, на которых он настаивал, — и попросил ее изложить свои условия. Ответом была странная фраза Аманды: «Потерпи, твой сюрприз от тебя никуда не убежит!» [1, с. 14]. «Сюрприз» ожидает Людвига, судя по всему, после объединения.

Действительно, расставание Людвига с Амандой (а соответственно, и с ГДР) проходит болезненно для обоих. С одной стороны, мы видим недовольную и разочарованную Аманду. «Даже странно, насколько раздраженно и судорожно она на это реагирует, — как будто это я расторгаю наш брак, а не она» [1, с. 13–14], — говорит Людвиг. С другой стороны, сам герой утрачивает уверенность в правильности своих поступков. По всей видимости, Аманде все же удалось посеять в нем «сомнения и мучительные раздумья» [1, с. 18]. Начавшиеся ни с того ни с сего угрызения совести превращают Людвига во врага самому себе. Радости личной свободы оказываются для него наполовину отравленными. Людвиг говорит: «Я боюсь, что развод не избавит меня от этого, что Аманда уйдет, а способность жить просто и непринужденно больше уже не вернется. Аманда же покидает наш брак такой же, какой вступила в него» [1, с. 18].

Здесь в отношениях Людвига и Аманды отражен типичный для объединенной Германии феномен — ностальгические настроения: «Какой смысл в том, чтобы расписывать вам или судье приятные стороны нашей семейной жизни? Однако существует еще одна причина, по которой я опускаю идиллическую картину, и понять ее постороннему человеку нелегко: я не хочу вспоминать о них. Я не хочу лишних травм, поэтому печально ностальгические ретроспективы мне ни к чему. Я должен избавляться от тоски и не давать ей все новую и новую пищу» [1, с. 38].

Людвиг даже начинает сомневаться, правильно ли он поступил, согласившись расстаться с Амандой? «Может быть, это ошибка — то, что я так рьяно отстаивал свою свободу? — спрашивает себя Людвиг — Аманда не раз мне говорила, что я напрасно не ценю тепло, вошедшее в мою жизнь вместе с Себастьяном» [1, с. 38]. Но однажды, когда он вдруг захотел испытать «благотворно-умиротворяющее чувство» отцовства и склонился над спящим ребенком, ему вдруг почудилось ужасное: «...эти крохотные пухлые ручонки начали расти на глазах... В конце концов огромные лапы, выросшие из маленького нежного тельца, обхватили мое горло и принялись душить меня» [1, с. 39].

Не будучи неблагодарным и бесчувственным, герой, с одной стороны, испытывает ностальгию по ГДР, с другой — ни в коем случае не хочет возвращения социалистической Германии. Он говорит адвокату: «Я бы хотел по-прежнему делать вид, будто любой ценой желаю оставить себе Себастьяна, но, в то же время, нужно сделать как-нибудь так,

чтобы суд отказал мне в этом требовании. Это, так сказать, Ваша задача» [1, с. 7].

Тем не менее герой не прочь «подзаработать» на кажущейся популярности Аманды, тоже предпринимая попытку изложить свою версию событий в литературной форме: «После того как я узнал, что с западным издательством ее связывала не только платоническая любовь, но еще и гонорар, моему великодушию пришел конец... я сказал ей, что был бы рад, если бы ни этих связей с Западом, ни западных денег не было бы вообще, но пока они есть, их место в общем, семейном котле, и они тем самым наполовину принадлежат мне» [1, с. 81].

Писательские амбиции Аманды становятся камнем преткновения и в ее отношениях со вторым спутником жизни — Фрицем. Ему роман Аманды сразу же не понравился, так как он почувствовал «опасность, исходившую от этой рукописи» [1, с. 143]. Фриц пытается лишить жену уверенности в себе как в литераторе и дает Аманде понять, что книга ее «никуда не годится» [1, с. 145]. По мнению мужа, Аманде следовало бы «проявить хоть немного интереса к его работе, заглядывать ему, так сказать, через плечо и получать необходимые импульсы» [1, с. 158]. Вместо этого, как предполагает Фриц, «неприятие ее текста она явно приняла за недостаток любви (в сущности, так оно и было...)» [1, с. 146] и «воздвигла Берлинскую стену между их рабочими столами и приказала стрелять в каждое слово, которое попытается проникнуть на ее территорию» [1, с. 158]. В свою очередь, Фриц тоже начинает писать — новеллу, ставшую его интерпретацией их с Амандой жизни, несмотря на неодобрение жены, которая боится быть выставленной там на всеобщее обозрение.

Однако Фрицем, как и в свое время Людвигом, движет желание получить какие-либо дивиденды от расставания с Амандой-ГДР: за новеллу «Феминист» он принялся «не из желания заново пережить и переосмыслить некую историю любви, которая в действительности оказалась не очень-то счастливой» [1, с. 100], а из писательского тщеславия.

Как и многие другие восточные писатели, после объединения он не может не сказать свое «последнее слово» об истории, участником которой был. Написав свою новеллу, он «навсегда останется в роли триумфатора, а она навсегда останется олицетворением посрамленной неправоты» [1, с. 163]. Возможно, именно поэтому (с учетом аллегорического смысла) он все же «хотел время от времени видеть» [1, с. 101] Себастиана — сына Аманды. Это первый и, вероятно, последний ребенок в его жизни. «Мне кажется, мое отношение к нему вполне можно определить патетическим словом “любовь”» [1, с. 101]. Чувство это вполне объяснимо, ведь в объединенной Германии «бывшее диссидентство» может принести немалые деньги и популярность. Значит, писатель посттоталитарной эпохи оказывается опять, по-новому зависимым от восточногерманской идеологии. «Я не собираюсь рассказывать, что между нами было, я хочу восстановить утраченную историю» [1, с. 103], — говорит Фриц. Теперь идеология в образе мальчика Себастиана вполне может обеспечить ему безбедное существование. Аманда, в свою очередь, не раз критиковала Фрица, обвиняя его в популизме: «...мы живем в необыкновенной стране, где все запрещенные писатели —

сплошь знаменитости и, конечно же, вызывают похотливый интерес публики» [1, с. 161]. Кстати, эту же идею выражает В. Хильбиг во «Временном пристанище» — после объединения интерес публики обратился к бездарным писателям-псевдодиссидентам.

Расстаются Аманда и Фриц после чтений в церкви, на которых Фриц, приглашенный в качестве политического вольнодумца, избегает любых критических высказываний в адрес существующего строя, что вызывает неудовольствие публики. Чтобы спасти свой имидж, он прикрывается именем Аманды, ревниво оберегая «свое реноме, на которое никто не покушался» [1, с. 112]. Собственную нерешительность он оправдывает тоталитарными требованиями Аманды, приписывая ей то, чего она на самом деле не совершала. Аманда чувствует себя оскорбленной: «Неужели ей теперь каждый раз, когда он будет оказываться в затруднительном положении, нужно бросаться плашмя на землю, чтобы его остроты не попали ей в сердце? Любовь подразумевает способность и желание чувствовать чужую боль, не только свою собственную» [1, с. 212]. Метафора «разбитого сердца» и поруганной любви в этом контексте показывает, что бессердечна не Аманда, а предающие ее в угоду публике мужчины, из чьей перспективы ведется повествование.

Таким образом, средствами аллегории автору романа удается показать, что два героя романа (мужья Аманды), заиклившись исключительно на своих материальных и плотских интересах, ничего не предпринимают для улучшения социально-политической жизни в своей стране. Их инфантилизм, т. е. нежелание или неумение сделать ее совершеннее, глубоко обижают главную героиню. Любовь Аманды и «приспособленца» Людвига, как, впрочем, Аманды и «псевдодиссидента» Фрица, не получилась, несмотря на отдельные попытки понять друг друга. Брак с восточно-немецкими мужьями оказался «мертвым полем» [1, с. 210] и закончился расставанием.

В итоге незадолго до объединения Аманда выходит замуж за Станислауса — западного журналиста и переезжает в Западную Германию, разочаровавшись в возможности найти свое счастье на востоке. Вопрос, будет ли счастливым этот брак Восточной и Западной Германии, остается в книге открытым.

Список литературы

1. Беккер Ю. Бессердечная Аманда: роман. СПб., 2004.

Об авторе

Марина Сергеевна Потёмкина — канд. филол. наук, доц., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, e-mail: mpotemina@mail.ru

About author

Dr. Marina S. Potyomina, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, e-mail: mpotemina@mail.ru